

Постклассическая рациональность права в эпоху постсовременности

Аннотация. В статье излагаются дискуссионные вопросы рациональности как общефилософской категории и как юридического понятия. Автор аргументирует происходящий в философии и науке переход от классической рациональности к постклассической. Классическая рациональность основывается на презумпции познаваемости мира и возможности его преобразования в соответствии с разумными целями прогрессивного развития человечества. Однако XX век продемонстрировал ограниченность возможностей человеческого разума, непредсказуемость последствий применения научной рациональности. Отсюда вытекает парадокс классической рациональности: ее рост, связанный с развитием техники и технологий (или проявляющийся в нем), оборачивается повышением риска во всех сферах жизни.

Постклассическая (постнеклассическая, по терминологии В. С. Стёпина) рациональность не только постулирует ограниченность наших знаний о непрозрачном, стохастическом мире, в котором царит неопределенность, но и предполагает включенность человека, социализированного в соответствующей культуре, в процесс познания (шире — восприятия, номинации, классификации и категоризации мира, его освоения), его контекстуальность, как историческую, так и ценностную, социокультурную. Наиболее развитым и проработанным на сегодняшний день вариантом постклассической рациональности является коммуникативная, не лишенная, впрочем, проблемных вопросов.

Постклассическая рациональность права является, по мысли автора, диалогической и включает трансцендентный аспект — обеспечение нормального воспроизводства человечества и имманентный — легитимность принимаемых норм права, в том числе в процессе их воспроизводства. Постклассическая рациональность конструирования норм права выражается в борьбе основных социальных групп за право определять значимость (юридическую в том числе) тех или иных социальных проблем. Рациональность реализации норм права проблематизируется парадоксом «следования правилу» Л. Витгенштейна, которое никогда не содержит всей полноты предписаний его (правила) реализации. Решение этих и других проблем рациональности права видится не в отказе от данной категории и принципа права, а в переосмыслении классической рациональности права в постклассическую.

Ключевые слова: рациональность; классическая рациональность; постклассическая рациональность; постклассическая рациональность права; диалогичность права; конструирование права; реализация права.

Для цитирования: Честнов И. Л. Постклассическая рациональность права в эпоху постсовременности // Lex russica. — 2022. — Т. 75. — № 7. — С. 74–86. — DOI: 10.17803/1729-5920.2022.188.7.074-086.

© Честнов И. Л., 2022

* Честнов Илья Львович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации
Литейный просп., д. 44, г. Санкт-Петербург, Россия, 191104
ichestnov@gmail.com

Postclassical Rationality of Law in the Era of Postmodernity

Ilya L. Chestnov, Dr. Sci. (Law), Professor, Department of Theory and History of the State and Law, St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation
prosp. Liteyny, d. 44, St. Petersburg, Russia, 191104
ichestnov@gmail.com

Abstract. The paper provides for debatable issues of rationality as a general philosophical category and as a legal concept. The author argues for the transition in philosophy and science from classical rationality to postclassical. Classical rationality is based on the presumption of the knowability of the world and the possibility of its transformation in accordance with the reasonable goals of the progressive development of mankind. However, the 20th century demonstrated the limitations of the human mind, unpredictability of the consequences of applying scientific rationality. Hence, the paradox of classical rationality follows: its growth, associated (or manifested) with the development of technology and technology, turns into an increased risk in all spheres of life. Post-classical rationality (post-non-classical, according to V. S. Stepin's terminology) not only postulates the limitations of our knowledge about an opaque and stochastic world where uncertainty reigns, but also it assumes the involvement of a person socialized in the corresponding culture in the process of cognition (more broadly, perception, nomination, classification and categorization of the world and its development), its historical, value-based and socio-cultural contextuality. The most developed and elaborated variant of postclassical rationality is the communicative contextuality which, however, is not devoid of problematic issues.

According to the author, postclassical rationality of law is dialogical and it includes a transcendent aspect — ensuring the normal reproduction of humanity — and an immanent one — the legitimacy of the accepted norms of law also in the process of their reproduction. Postclassical rationality of the law norms construction is expressed in the struggle of the main social groups for the right to determine the significance (including legal) of various social problems. The rationality of the implementation of the norms of law is problematized by the paradox of «following the rule» elaborated by L. Wittgenstein that never contains the entirety of the prescriptions of its — rule — implementation. The author believes that in order to resolve the problems of rationality of law it is necessary to reconsider classical rationality of law as a postclassical rationality, rather than to reject this category and principle of law.

Keywords: rationality; classical rationality; postclassical rationality; postclassical rationality of law; dialogicity of law; construction of law; implementation of law.

Cite as: Chestnov IL. Postklassicheskaya ratsionalnost prava v epokhu postsovremennosti [Postclassical Rationality of Law in the Era of Postmodernity]. *Lex russica*. 2022;75(7):74-86. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.188.7.074-086. (In Russ., abstract in Eng.).

16 апреля 2021 г. кафедра истории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) провела 3-й Международный научно-методологический семинар на тему «Мифологемы закона: иррациональное в праве», в котором приняли участие известные российские и иностранные историки и теоретики права. Как следует из названия семинара, основным вопросом стала проблема рациональности/иррациональности права как в историко-правовом, так и в теоретико-правовом и даже философско-правовом смыслах. В основном докладе И. А. Исаев продемонстрировал на богатом историческом материале имманентность иррациональных моментов в праве и в учениях о праве. Эту точку зрения поддержал С. Н. Бабурин, заявивший об иррациональности

современного права. Компромиссную позицию по данному вопросу занял Г. Г. Бернацкий, по мнению которого право (законодательство) само по себе рационально, но правоприменение всегда содержит иррациональный аспект. Ниже излагается позиция автора относительно дискуссионного вопроса рациональности права, озвученная на семинаре.

Ответ на вопрос, является право (правовая реальность) рациональным или иррациональным феноменом, зависит от исходных посылок: что считать рациональным и иррациональным или как трактовать рациональность и иррациональность. При этом такие философские послышки в конкретных исследованиях могут быть как эксплицитно выраженными, так и (зачастую) имплицитными. От этого их роль не изменяется: именно от них зависят конкретные рассуж-

дения о рациональности или иррациональности права. В связи с этим важно разобраться в этом фундаментальном философском вопросе, который В. Н. Порус обозначил как «скандал в философии»: без его обсуждения не обходится ни одно современное философское исследование, однако «споры вокруг проблемы рациональности не утихают и становятся все более острыми»¹.

Классическая рациональность ориентирована на объективность как безличность (или бессубъектность, когда субъективное оказывается ненаучным, а значит, нерациональным), разумность, целесообразность и универсальность. Ее, как полагает В. Н. Порус, можно назвать «абсолютистской». Она предполагает наличие «единой и единственной системы критериев рациональности, применение которых не ограничено никакими конкретными условиями»². Так, классик социологии М. Вебер связывал рациональность исключительно с действием (как индивидуальным, так и социальным) и, в соответствии с типологией социального действия, выделял традиционный, аффективный, ценностно-рациональный и целерациональный типы рациональности. При этом он подчеркивал, что всемирно-исторический процесс рационализации состоит в движении от традиционного типа к рациональному, от материальной (содержательной) рациональности к формальной³. Сама же рациональность в общем и целом понималась им как мера расчета, как сознательное овладение ситуацией в свете собственных интересов. Иррациональность же рассматривается им как «отклонения от ожидаемого при чистом рациональном поведении»⁴. При этом следует отметить, что М. Вебер в духе

разработанной им методологии «идеального типа» (или «типологизирующего научного наблюдения») указывал, что «конструкция строго целерационального действия... служит социологии как тип (“идеальный тип”), позволяющий понять реальное действие, подвергающееся влиянию всякого рода иррациональных факторов (аффектов, заблуждений), как отклонение от ожидаемого при чистом рациональном поведении»⁵. Такой метод, продолжает М. Вебер, следует отличать от «рационалистического предвззуда», свойственного социологии, и «не толковать в смысле веры в действительное превосходство рационального в жизни»⁶.

По большому счету эти же посылки используются таким авторитетным, чрезвычайно популярным во второй половине XX в. подходом к исследованию экономики, распространившимся на анализ практически любого вида человеческой деятельности, как теория рационального выбора, которая лежит в основании экономического анализа права, или направления, именуемого «Право и экономика». Адепты этого подхода исходят из необходимости анализа человеческих предпочтений, их соизмерения при выборе оптимального поведения. При этом предполагается, что расчет выгод и издержек мотивирует человека на совершение действия в любой сфере и может быть количественно измерен (хотя бы в ограниченных пределах)⁷.

Однако события в истории человечества XX в., а также изменения в эпистемологии привели к критике и сомнению в адекватности и реализуемости идеалов рациональности. О социально-политических основаниях критики сциентизма написаны тома фундаментальных работ в середине — второй половине XX в.

¹ Порус В. Н. Рациональность. Наука. Культура. М., 2002. С. 7.

² Порус В. Н. Рациональная коммуникация как проблема эпистемологии // Коммуникативная рациональность: эпистемологический подход / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; отв. ред.: И. Т. Касавин, В. Н. Порус. М. : ИФРАН, 2009. С. 13.

³ Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии / сост., общ. ред. и предисл. Л. Г. Ионина. Т. 1 : Социология. М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2016. С. 384, 393.

⁴ Вебер М. Указ. соч. С. 384. «Рациональное хозяйствование, — писал М. Вебер, — то, которое ориентировано в основном целерационально, т.е. согласно плану» (Там же. С. 113).

⁵ Вебер М. Указ. соч. С. 70.

⁶ Вебер М. Указ. соч. С. 70.

⁷ Теория рационального выбора, претендующая на роль «волшебного средства, способного поставить социальные науки в один ряд с науками естественными и физическими», опирается на следующий тезис: «Люди пытаются максимизировать полезность, и пути этой максимизации могут быть выявлены с помощью формальных методов». См.: Шапиро Й. Бегство от реальности в гуманитарных науках / пер. с англ. Д. Узланера. М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2011. С. 104.

Обратим внимание на эпистемологическую ограниченность, может быть даже несостоятельность, классических принципов рациональности. Замечательный экономист, мыслитель и философ Ф. Хайек утверждал, что рационалистический подход — это «возврат к примитивным антропоморфным способам мышления», которому свойственна «склонность приписывать происхождение всех институтов культуры изобретению или замыслу»⁸, т.е. выводить их из человеческого разума. Однако допущение, что господство над окружающим миром достигнуто благодаря «способности логического вывода из явно сформулированных посылок», — это вера, а не факты. С его точки зрения, ошибочно убеждение в том, что эффективность наших действий обусловлена знанием. Многие общественные институты — результат обычаев, привычек или устоявшихся практик, которые не были изобретены сознательно, а потому уничтожительно объявляются иррациональными. Успешность человеческих действий связана не только с расчетом средств и целей, но и с правилами, происхождение которых нам неизвестно⁹. Это вытекает из того несомненного постулата, что «отдельный человек не в состоянии усвоить все то количество фактов, от которых зависит успех деятельности в обществе»¹⁰. Не разум как таковой (или рациональность, понимаемая в классической философии как «сознательность» или «обдуманность»)¹¹, а практики приспособления (адаптации) производят порядок в обществе¹².

Более того, классическая рациональность (целерациональность М. Вебера) является глубоко инструментальной версией соотношения цели и результата. Она не принимает во внимание ценностное измерение как познания, так и поведения и потому приводит (или может привести) к «пагубной самонадеянности» (по Ф. Хайеку), к социальным катаклизмам и разрушению хрупкого баланса культуры и природы,

когда вторжение человека в био- и ноосферу забыло (точнее, и не знало) границ допустимого. Рациональность как разумность — это инструментальный сциентизм. Однако использование науки может быть чрезвычайно разрушительным, о чем свидетельствует история XX в.

Отсюда вытекает важнейший парадокс классической рациональности: ее рост, связанный с развитием техники и технологий (или проявляющийся в нем) оборачивается безмерным увеличением риска как социального феномена, определяющего (по крайней мере, частично) содержание общества «высокого модерна», именуемого с легкой руки У. Бека «обществом риска». Э. Гидденс в 1990 г. сформулировал принципиальное положение: «увеличение знаний о социальной жизни (даже если эти знания настолько основательно подкреплены опытом, насколько это вообще возможно)» не равносильно «усилению контроля над нашей судьбой»¹³. В другом месте этой фундаментальной работы он показывает различия угроз и рисков в «досовременных» и «современных» культурах. Риски, исходящие от природы, заменяются угрозами, проистекающими от рефлексивности современности; угрозы и опасности человеческого насилия от мародерствующих армий и бандитов превращаются в угрозы человеческого насилия, исходящие от индустриализации войны; риск лишения религиозной благодати вытесняется угрозой, проистекающей от рефлексивности современности, приводящей к расколотости самости¹⁴. Поэтому, с прискорбием заявляет английский социолог, мы «живем в вышедшем из-под контроля мире, так отличающемся от того, которого ожидали мыслители Просвещения»¹⁵.

Э. Морен постулирует принципы «сложности», свойственные постсовременности. Среди них он выделяет «избегание намерений» действием человека. «Как только индивид со-

⁸ Хайек Ф. Право. Законодательство и свобода : Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики / пер. с англ. Б. Пинскера и А. Кустарева ; под ред. А. Кураева. М. : ИРИСЭН, 2006. С. 29.

⁹ Хайек Ф. Указ. соч. С. 30.

¹⁰ Хайек Ф. Указ. соч. С. 31.

¹¹ Хайек Ф. Указ. соч. С. 30.

¹² Хайек Ф. Указ. соч. С. 32.

¹³ Гидденс Э. Последствия современности / пер. с англ. Г. К. Ольховикова, Д. А. Кибальчича ; вступ. статья Т. А. Дмитриева. М. : Праксис, 2011. С. 162.

¹⁴ Гидденс Э. Последствия современности. С. 237.

¹⁵ Гидденс Э. Последствия современности. С. 294.

вершает действие, — пишет французский мыслитель, — каким бы оно ни было, начинается отклонение от его намерений. Действие входит во вселенную взаимодействий и, в конце концов, это та среда, которая захватывает его в том смысле, что она может стать противоположностью первоначальным намерениям. <...> Действие предполагает сложность, то есть риск, опасность, инициативу, решение, осознание неудач и преобразований»¹⁶.

Неклассическая или постклассическая (постнеклассическая, в терминологии В. С. Стёпина) **рациональность** не только постулирует ограниченность наших знаний о непрозрачном, стохастическом мире, в котором царит неопределенность, но и предполагает включенность человека, социализированного в соответствующей культуре, в процесс познания (шире — восприятия, номинации, классификации и категоризации мира, его освоения) и контекстуальность, как историческую, так и ценностную, социокультурную¹⁷. Поэтому постклассическая рациональность включает в свое измерение интенции, цели и ценности акторов, «населяющих мир». В то же время постклассическая рациональность заявляет релятивизм как онтологический и одновременно гносеологический принцип — относительность контекста, включающего позицию наблюдателя в бытии и его восприятие. Важнейшей характеристикой постклассической рациональности является ее антиэссенциализм: рациональность — это не объективная или объектная данность, а свойство, приписываемое актором и/или наблюдателем действиям человека или социальным

явлениям, процессам. В этом смысле не существует рациональных институтов как онтических феноменов, но процедуре их конструирования и их функционированию может быть атрибутировано свойство рациональности. Более того, такого рода рациональность не может быть содержательно определима. Как указывал В. С. Швырев, идея открытой (неклассической и постклассической рациональности) не может быть выражена «в виде какого-то нормативного, объективированного в жесткой логико-методологической форме критерия»¹⁸.

Так как сегодня основой общества или социальности как таковой считается (и является) коммуникация, то наиболее популярной концепцией постклассической рациональности выступает коммуникативная. В таком ракурсе **коммуникативная рациональность**, развиваемая, например, Ю. Хабермасом, предстает наиболее развитым вариантом **постклассической рациональности**. Для нее как «идеальной модели коммуникации» характерны диалогичность, ориентированная на взаимопонимание участников предельно широкой аудитории, рефлексивность, процедурная делиберативность в принятии совместного решения¹⁹. Важно, что так понимаемое рациональное решение не предзадано, не предопределено «объективным ходом вещей», а вырабатывается в процессе обсуждения (делиберации). Однако уже в таком представлении очевидна не только идеалистичность данной модели²⁰, не только то, что «свободная от принуждения» коммуникация — это утопия, на что обратил внимание М. Фуко в 1984 г.²¹, но и то, что диалог как взаимопони-

¹⁶ Морен Э. О сложности. М. : Институт общегуманитарных исследований, 2019. С. 170.

¹⁷ При этом В. С. Стёпин не призывает «отбросить» классическую рациональность. Напротив, он заявляет, что в современной науке три типа рациональности — классическая, неклассическая и постнеклассическая — сосуществуют. Некоторые задачи вполне успешно решаются на основе положений классической рациональности, тогда как для других требуется неклассический или постнеклассический подход. Последний необходим для описания и объяснения человекообразных систем, «наделенных синергетическими характеристиками» и основанных на «кооперативных эффектах» (Стёпин В. С. Научная рациональность в техногенной культуре: типы и историческая эволюция // Рациональность и ее границы : материалы Международной научной конференции в рамках заседания Международного института философии (Москва, 15–18 сентября 2011 г.) / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; отв. ред. А. А. Гусейнов, В. А. Лекторский. М. : ИФРАН, 2012. С. 18, 19).

¹⁸ Швырев В. С. Рациональность в спектре ее возможностей // Исторические типы рациональности / отв. ред. В. А. Лекторский. М., 1995. Т. 1. С. 20.

¹⁹ Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. Bd. 2. Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1981.

²⁰ Сам Ю. Хабермас не скрывает, что формулирует социальный проект, регулятивный идеал, а не описывает реальное положение вещей.

²¹ Известно, что планировавшаяся дискуссия М. Фуко и Ю. Хабермаса так и не состоялась по причине смерти французского мыслителя. Однако в одном из своих интервью он заметил: «Идея, будто может

мание всегда включает как рациональные, так и суггестивные и аффективные аспекты.

Таким образом, с позиций постклассической методологии (шире — картины мира) можно констатировать парадоксальность рациональности — она основана на нерациональных предпосылках: в основе рациональности лежат ценностные установки, которые сами по себе рациональными (по крайней мере, с точки зрения классической философии) не являются²². Если рациональность познавательной деятельности основана на рациональных нормах, то последние, в свою очередь, базируются на культурных константах, ценностях, которые в классической философии выводятся за рамки рациональных процедур обоснования (о ценностях, как и о вкусах, как известно, не спорят) и относятся к верованиям или убеждениям.

Коммуникация является (признается) рациональной, если имеет место следование нормам, которые, с точки зрения коммуникативной парадигмы Ю. Хабермаса, вырабатываются как «взаимные ожидания» адекватного поведения участников интеракции²³. В то же время сами нормы коммуникации (основание и критерий рациональности) вырабатываются или по крайней мере уточняются, наполняясь конкретным содержанием, в процессе самой коммуникации. Получается своего рода круг: нормы должны предшествовать коммуникации и быть условием ее рациональности, но они сами по себе не существуют как конкретные правила поведения до самой коммуникации. Разорвать такой круг в состоянии, например, генетический

структурализм П. Бурдьё, вписывающий «структурное принуждение» в процесс порождения и трансформации норм. Анализ «первичного произвола» порождения нормы и последующей ее «социальной амнезии» позволяет показать, как именно нормы рациональности воспроизводятся в коммуникативных практиках.

В то же время рациональность коммуникации предполагает взаимное знание акторами мотивов друг друга, т.е. обладание «общим горизонтом» знаний и значений, разделяемых акторами (по терминологии А. Щюца). Рациональна та коммуникация, в которой оба актора приписывают друг другу, своим и чужим действиям и их последствиям адекватное значение. Однако в связи с этим возникают вопросы: что такое «адекватное значение»? Адекватное с точки зрения кого? Кто и как определяет его адекватность? Если исходить из социологической концепции П. Бурдьё, то значение (и значимость) норм и ожиданий определяется конкурентной борьбой представителей основных социальных групп в данном поле (например, в поле права) за право «официальной номинации социального мира». В результате такой борьбы и возникает право как наивысшая форма «символической власти номинации, создающей именованные вещи и, в частности, группы. <...> Право является наивысшей формой активного дискурса, обладающего властью вызывать реальные последствия. Не будет преувеличением сказать, что оно создает социальный мир, но при этом не следует забывать, что само оно является его порождением»²⁴.

существовать состояние коммуникации, которая будет такова, что игры истины смогут циркулировать в ней без препятствий, без давления и последствий принуждения, на мой взгляд, принадлежат к порядку утопии» (Фуко М. Этика заботы о себе как практика свободы // Интеллектуалы и власть : Избранные политические статьи, выступления и интервью / пер. с фр. Б. М. Скуратова ; под общ. ред. В. П. Большакова. М. : Праксис, 2006. Ч. 3. С. 266).

²² Лидер популярного направления «Право и экономика» Г. Калабрези пишет: «Стандартный для экономики подход — заявлять, что экономистам просто нечего сказать о вкусах и ценностях. Чего именно хотят люди и что они любят — икру или бананы, это их дело, и всё, что может экономика, так это начать с уже данного набора вкусов и ценностей, а затем проанализировать последствия этих желаний, какими бы пустыми или вредными ни считали их экономисты. О вкусах не спорят — в экономике это едва ли не символ веры» (Калабрези Г. Будущее права и экономики. Очерки о реформе и размышления / пер. с англ. И. В. Кушнарева ; под науч. ред. М. И. Одинцовой. М. : Изд-во Института Гайдара, 2016. С. 232). Сам же Г. Калабрези считает, что реформа права и экономики должна двигаться в сторону учета ценностей во взаимодействии с законами и правовыми структурами, хотя сами по себе ценностные предпочтения (к которым он относит и вкусы) никак не связаны с рациональным выбором (там же. С. 287–292).

²³ Habermas J. Technik und Wissenschaft als «Ideologie». Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1968. S. 62.

²⁴ Бурдьё П. Власть права: основы социологии юридического поля // Социальное пространство: поля и практики : пер. с фр. / отв. ред. пер., сост. и послесл. Н. А. Шматко. М. : Институт экспериментальной социологии ; СПб. : Алетейя, 2005. С. 104.

Стоит ли в связи с радикальной критикой классической теории и практики рациональности отказываться от нее вовсе, «переписывая словарь картины мира», как это предлагал Р. Рорти? Полагаю, что такой радикализм в ситуации «новой серьезности» эпохи постпостмодерна явно неуместен. Без рациональности, например «открытой», в терминологии В. С. Швырева, значительно отличающейся от классических ее канонов рефлексивностью сознания, преобразующего мир, невозможно существование человечества. Поэтому необходимо новое прочтение рациональности как абстрактного феномена — идеала и регулятива, наполняемого конкретным содержанием в соответствующем историческом и социокультурном контексте. Такой идеал всегда будет отличаться от реальности, поэтому многие исследователи отказывают правовой системе в том, чтобы именоваться рациональной.

Новым прочтением открытой, коммуникативной и рефлексивной рациональности может стать диалогическое ее измерение: действие взаимодополняется мыслью, проект и взаимность ожиданий — результатом, позиция актора — точкой зрения «внешнего наблюдателя», действие — структурными ограничениями и возможностями²⁵. При этом диалогизм отличается от «монологической диалектики» Гегеля, которая, по заверению Г. С. Батищева, а отказать ему в знании диалектики невозможно, является «панлогической». Для нее — гегелевской диалектики — характерна исходно принятая «философски-некритическая вера во всеохватывающий и всемогущий субстанциональный Миропорядок — порядок Вещей... надо всем возможным многообразием бытия тяготеет покоряющее его себе *снятие*, а через логику снятия надо всем воцаряется порядок абсолютной унификации. Многообразие низводится до некой эфемерной видимости игры самопроявления монотонного в себе единства»²⁶.

Рациональность права, как и рациональность вообще, издревле считалась и продолжает считаться его — права — основополагающим

началом. Это даже не принцип (как, например, принцип формального равенства или справедливости), а «метаоснование», «принцип принципов» для существования всей правовой реальности.

Классическая рациональность права, например, в трудах М. Вебера, вытекающая из его идеи формальной рациональности как меры расчета, о чем уже упоминалось выше, — это рациональность, основанная на теоретическом мышлении, используемая при принятии норм права, их систематизации, а также беспристрастность в правоприменении (подведении единичного под всеобщее)²⁷.

Диалогичность коммуникативной рациональности права предполагает взаимодополнительность процесса и результата (производства норм права и их реализации), правовой нормы и правоотношения, правовой практики и правосознания и других аспектов двух основных оппозиций: действия и структуры (включая производство структуры), материального (практики) и ментального, психического. При этом происходит взаимосотнесение позиций акторов — субъектов правовой коммуникации при осознании того, что действия одного актора не могут быть реализованы без соответствующих действий другого. Ожидания взаимной согласованности действий другого как каждого (любого в позиции другого в типизированной ситуации) составляет содержание правового диалога. Одновременно тем самым (согласимся с позицией сторонников юридического либертаризма по данному вопросу, в частности В. А. Четвернина) налагается запрет на «агрессивное насилие».

Принципы, на которых организовано современное общество, включая принципы права, или «конституцию свободы» («свободу в рамках закона»), по утверждению Ф. Хайека, не могут быть рационально обоснованы, но именно они составляют идеал для большинства людей и «направляют наши политические действия»²⁸. Это так называемая **трансцендентная рациональность** — обеспечение самосохранения как минимум и/или процве-

²⁵ О том, что структура не только ограничивает, но и создает возможности, см.: Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуризации. М.: Академический проект, 2003. С. 29.

²⁶ Батищев Г. С. Диалогизм или полифинизм? (Антитетика в идейном наследии М. М. Бахтина) // М. М. Бахтин как философ. М.: Наука, 1992. С. 124–125.

²⁷ См. подробнее: Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии / сост., общ. ред. и предисл. Л. Г. Ионина. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2018. Т. 3: Право. С. 143–145, 151, 158–163.

²⁸ Хайек Ф. Указ. соч. С. 80.

тания²⁹ как максимум человечества. Почему это трансцендентная рациональность? Потому что люди не могут знать те теоретические положения и практические нормы, которые бы необходимо (с необходимостью) способствовали самосохранению человечества. В этом смысле прав был Д. Деннет, утверждавший, что естественный отбор наделен «вектором рациональности». При этом результат такого отбора (метод проб и ошибок) не может быть заранее предопределен. Поэтому такая рациональность, по Д. Деннету, является «свободно плавающей»³⁰. Так понимаемая трансцендентная рациональность права задает объективные границы права и правовой политики.

Однако с практической точки зрения важны прежде всего рассуждения не о рациональности права вообще (как таковой), а о рациональности отдельных аспектов правовой реальности, позволяющие конкретизировать трансцендентное на уровень имманентного. В этой связи уместно рассмотреть дискуссионные вопросы рациональности конструирования права, а затем воспроизводства правовой системы.

Рациональность конструирования правовой реальности предполагает экспликацию факторов, обуславливающих процесс производства новых норм права. Таковой определяется внешними обстоятельствами и их интериоризацией в правовую культуру (прежде всего элиты). Этот процесс опосредован процедурами нормотворчества. Сегодня очевидно, что предусмотреть то, как внешние факторы (экономика, политика, демография, экология и т.д.) скажутся на состоянии человечества, на общечеловеческом развитии, практически невозможно (кроме вероятностных представлений, основанных на принципе экстраполяции). «Законотворчество по необходимости представляет собой непрерывный процесс, в котором каждый шаг порождает непредвиденные последствия...»³¹.

Ограниченность когнитивных способностей людей (включая человечество как «коллективный разум») в познании мира и себя в мире говорит об отсутствии объективной заданности именно такой правовой политики, а не другой. Поэтому правовая система конструируется властью в борьбе основных социальных

групп за право определять значимость (в том числе юридическую) тех или иных социальных проблем. Конечно, власть исходит из того, что наука считает «объективным положением дел» (особенно в физических, природных явлениях и процессах, хотя знания о них всегда относительны и приблизительны), но всегда есть альтернативность в принятии решения, последствия которого никогда не предопределены и не гарантированы.

Проблема рациональности реализации права, в том числе правоприменения, связана с неустранимостью человеческого фактора. Это ограничивает классическое представление о рациональности. Для постклассической, человекомерной юриспруденции *антропологическое ее измерение* является необходимым и неизбежным. В этой связи возникает сложнейшая проблема: каковы критерии такой практической рациональности, как деятельность человека по реализации права? Эти критерии, как отмечалось выше, отличаются в зависимости от позиции наблюдателя. С точки зрения законодателя и правоприменителя такие критерии представляют собой всего лишь следование установленным стандартам. Рационально в этом смысле то, что соответствует рациональным — как презюмируется — нормам права. Для актора же правовой коммуникации рационально то, что соответствует его интересам и ожиданиям, которые не всегда совпадают с требованиями норм права. Однако для «метазаконодателя» (в том числе актора, рефлексирующего по поводу существующих норм и самих критериев рациональности), или политика с большой буквы, рационально подвергать сомнению рациональность норм и критериев рациональности. Диалог позволяет примирить эти позиции: если нормы права конструируются с учетом интенций потенциально каждого (в теории рационального действия Ю. Хабермаса у каждого должно быть право принять участие в обсуждении принимаемых норм права), то личностные интересы, по идее, должны совпадать с содержанием норм права (или соответствовать им). Само же содержание норм права должно постоянно рефлексироваться не только с точки зрения соответствия процедурам и критериям рацио-

²⁹ Если можно эксплицировать критерии процветания.

³⁰ Dennet D. C. Brainstorms. Philosophical Essays on Mind and Psychology. Montgomery Vt. : Bradford Books, 1978. P. 17–18.

³¹ Хайек Ф. Указ. соч. С. 83.

нальности, но и с позиций «трансцендентной рациональности».

Сложность экспликации рациональности реализации права, даже если достигнуто диалогическое сочетание личностных интенций и интересов с социальными, с другой стороны, связана с тем, что нормы права никогда не содержат полного и исчерпывающего перечня информации по их соблюдению, исполнению, использованию и применению. Это парадокс «следования правилу», сформулированный Л. Витгенштейном. Философ излагает его следующим образом: «Наш парадокс был таким: ни один образ действий не мог бы определяться каким-то правилом, поскольку любой образ действий можно привести в соответствие с этим правилом. Ответом служило: если все можно привести в соответствие с данным правилом, то все может быть приведено и в противоречие с этим правилом. Поэтому тут нет ни соответствия, ни противоречия. Мы здесь сталкиваемся с серьезным непониманием»³². Очевидно, что такого рода парадокс порождает серьезные вопросы не только в логике, аналитической философии, но и в юриспруденции. В частности, авторитетный логик С. Крипке интерпретирует его как «скептический парадокс», «как новую форму философского скептицизма»³³. «С одной стороны, — пишут Г. П. Бейкер и П. М. С. Хакер, — кажется, что правило должно содержать образ того, что согласуется с ним (так же как кажется, что пропозиция должна содержать образ состояния дел, которое делает ее истинной). Ибо если кто-то понимает правило, он знает, что согласуется с ним, а что его нарушает (оставим в стороне пограничные случаи). С другой стороны, это кажется невозможным. Ибо, по-видимому, то, чему дана только голая формулировка, нуждается в интерпретации и может быть проинтерпретировано неопределенно многими способами! Любое действие можно привести в соответствие с любым правилом посредством той или иной интерпретации»³⁴.

Вместе с тем, как указывает Е. Н. Лисанюк, «Витгенштейн формулирует два сценария для

ответа на вопрос о следовании правилу, практический и теоретический. Практический сценарий намечает совокупность направлений понимания того, что означает следовать правилу, как следование правилу реализуется в той или иной сфере деятельности, каким образом надлежит оценивать результат применения правила и т.п. Этот сценарий предлагает трактовать следование правилу в духе игры как регулируемого правилами взаимодействия между людьми, которое конституируется посредством определенного корпуса правил и регулируется отличным от него корпусом правил. Он состоит в том, чтобы похожие, но явно не одинаковые случаи применения тех или иных правил похожими, во все же не в идентичных условиях считать неким «семейным сходством». <...> Теоретический сценарий заключается в том, чтобы считать парадоксальной саму идею следования правилу, и именно этот сценарий представляет ее как проблему следования правилу. Теоретический сценарий вылился в обсуждение этой проблемы после того, как У. Куайн указал на лингвистический релятивизм, вытекающий из идеи следования правилу, а С. Крипке диагностировал в ней скептический парадокс»³⁵.

По мнению авторитетного петербургского логика, несостоятельным оказывается только «теоретический сценарий следования правилу, трактующий правило в духе идеала как необходимое и достаточное условие получения определенного результата. Этот сценарий терпит крах из-за стремления связать правило с единственным идеалом строгости рассуждений и по умолчанию, базирующемуся на согласии в отношении идеала, распространить действие правила без ограничений, отвлекаясь от агентивных аспектов, сферы и условий применения»³⁶. Деятельностный, или практический (инструментальный), сценарий «разводит психологическую и социологическую трактовку идеи следования правилу при помощи акционального, или целерационального, понимания действий людей. В рациональной деятельности людей следова-

³² Витгенштейн Л. Философские исследования. § 201.

³³ Крипке С. А. Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке / пер. В. Л. Ладова, Б. А. Суровцева ; под общ. ред. В. А. Суровцева. М. : Канон+ РООИ «Реабилитация», 2010. С. 20.

³⁴ Бейкер Г. П., Хакер П. М. С. Скептицизм, правила и язык : научное издание. М. : Канон+ РООИ «Реабилитация», 2008. С. 103.

³⁵ Лисанюк Е. Н. Аргументация и следование правилу // Л. Витгенштейн: pro et contra : антология / сост., вступ. ст., примеч., науч. ред. С. В. Никоненко. 2-е изд. СПб. : РХГА, 2019. С. 538–539.

³⁶ Лисанюк Е. Н. Указ. соч. С. 541.

ние правилу носит внутренний инструментальный характер, в отличие от внешнего характера публичных утверждений о том, что данный результат получен путем следования тому или иному правилу. Подобные публичные утверждения хотя и могут достоверно свидетельствовать о роли конкретного правила в получении конкретного результата, однако главной своей целью имеют информирование аудитории об этой связи правила и результата, т.е. отчет о деятельности агента, специально предназначенный для других агентов. <...> Чтобы считать следование правилу рациональным действием, по умолчанию принимается, что агент действует рационально, если нет возражений или весомых свидетельств обратного. При таком понимании идеи парадокса следования правилу не возникает. Однако она не позволяет сформулировать достаточного основания для того, чтобы считать следование правилу рациональным действием: результат действия, которое может казаться рациональным следованием правилу, сам по себе и вне специального рассмотрения не является сигналом о том, что агент следовал данному правилу»³⁷.

С моей точки зрения, соотношение внутренней и внешней позиции несколько иное: актор всегда соотносит свои ожидания и действия с тем, какова, с его точки зрения, общепринятая оценка соответствующего действия. В этом состоит диалогичность любого действия, в том числе юридически значимого. Юридическое значение приписывается людьми на основе разделяемых ими идеализаций и типизаций, фреймов и скриптов типизируемых ситуаций. Поэтому уместно предположить, что парадокс следования правилу в практическом плане нивелируется **согласием сообщества с тем, что некто следует правилу**. Тут возникает проблема соотношения нормативности и фактичности, или действительности и действенности нормы

права³⁸. Эти понятия не тождественны, однако юридическая действительность невозможна без социальной действенности. Поэтому согласие общества — это не просто представление референтной группы, выражающей и формирующей интересы большинства сообщества, о должном, но и практики, основанные на таком согласии. Конечно, «общий консенсус совместим с неверным применением», но «несмотря на то что сообщество (большинство говорящих на данном языке) может случайным образом неверно применять правило, ошибаясь в вынесении такого-то и такого-то вердикта в качестве корректного применения, сообщество не может в целом ошибаться в том, что представляют собой его правила, и не может вообще ошибаться в том, что есть корректное применение его правил, поскольку правила и применение внутренне соотносены. <...> *За пределами правил нет истины, которая делает именно эти правила “корректными”*. Мы разрабатываем наши правила. Они могут быть интересны или скучны, полезны или никчемны, искусны или бестолковы, но они не могут быть истинными или корректными. <...> Только сообразность с тем, что делают другие члены сообщества, придает смысл “следованию правилу”»³⁹.

В принципе, об этом же пишет С. Н. Касаткин: «Согласно Витгенштейну, правило, по аналогии со знаком, также не имеет самодостаточного предзаданного значения и само по себе не может детерминировать способ своего применения. Его идентификация невозможна и через потенциально бесчисленные и ведущие к регрессу толкования, трактуемые как предоставление одних не обладающих определенностью формулировок и знаков взамен других. Важны не сами по себе толкования, а сложившаяся и действующая в обществе практика, в рамках которой формируется, воспроизводится, определяется и переопределяется фактическая

³⁷ Лисанюк Е. Н. Указ. соч. С. 543, 551.

³⁸ Как указывают Г. П. Бейкер и П. М. С. Хакер, «ложно, что “следовать правилу корректно” значит “делать, как делают или предрасположены делать большинство людей, когда они стараются ему следовать”. Диспозиционный тезис сообщества ошибочно уподобляет нормативное понятие корректного следования правилу статистическому понятию действовать тем же самым способом, как предрасположено действовать большинство. Статистическая концепция преобразует высказывание, что такое-то и такое-то действие согласуется с таким-то и таким-то правилом, в эмпирическое высказывание. Но оно не только не является эмпирическим, будучи взамен “грамматической” истиной, оно также не является статистическим. <...> Корректное следование правилу состоит в таком действии, как действует большинство компетентных людей, следующих этому правилу» (Бейкер Г. П., Хакер П. М. С. Указ. соч. С. 117).

³⁹ Бейкер Г. П., Хакер П. М. С. Указ. соч. С. 120, 121, 123.

система критериев дифференциации соблюдения и нарушения тех или иных стандартов, транслируются и закрепляются соответствующие им образцы или навыки суждения и поведения, а равно соответствующий им перечень оснований уместности речевых высказываний или квалификаций»⁴⁰.

Таким образом, вышеизложенное дает основание заключить, что правоприменение — это не механический процесс юридической квалификации деяния в соотношении с нормой права и принятия решения в форме индивидуального правового акта, а сложная деятельность, обусловленная внешними институциональными ограничениями и личностной мотивацией. В результате такой деятельности соответствующая форма нормативности права (например, статья нормативного правового акта) наполняется конкретным содержанием и, по большому счету, становится нормой права, воплощаемой в правовом порядке.

Позволяет ли решить эти и другие проблемы реализации права теория рационального выбора, которую сторонники экономического анализа права провозглашают как панацею от тлетворного и разлагающего воздействия релятивизма постсовременности? Как справедливо заявляет А. Г. Карапетов, теория рационального выбора есть «хотя и полезное, но сильное упрощение реальности»⁴¹. Сбои рациональности свойственны человеческой психике, для которой характерны когнитивные ошибки при принятии решений⁴². К ним относятся: сверхоптимизм, неадекватная оценка малой вероятности, неприятие потерь, эффект рамки, игнорирование альтернативных издержек, предпочтение бездействия, эффект обладания, ошибка ретроспективного взгляда, игнорирование априорной вероятности, способность учитывать лишь ограниченное число переменных, ограниченные математические способности, а также проблема самоконтроля⁴³. Впрочем, это не основание для отказа от анализа практик рациональности и рационализации правоприменения, а свидетельство их сложности и противоречивости.

Вышеизложенное позволяет сделать следующий общий вывод: нерационально отказываться от понятия рациональности права, включая его конструирование и реализацию. В то же время классическая рациональность, в том числе рациональность права, себя исчерпала. Ей на смену должна прийти и уже приходит новая концепция и практика постклассической рациональности. Постклассическая диалогическая рациональность права, с моей точки зрения, включает трансцендентный аспект — самосохранение человечества как условие бытия и права и рациональности, который сложным образом реализуется в имманентном измерении рациональности права, содержание которого состоит в воспроизводстве правовой реальности (и тем самым человечества). Рациональна та правовая коммуникация, которая протекает «нормально»: в которой реализуются (возможно, эффективно, в соответствии с ожиданиями субъектов, их интересами) субъективные права и обязанности и которая когерентно вписывается в правовой порядок данного общества, а тем самым обеспечивает его — общества — нормальное функционирование (хотя критерии оценки такой «нормальности» функционирования постсовременного общества определить достаточно проблематично, можно сказать, что как минимум они — критерии — должны обеспечивать его самосохранение). В то же время диалогическая, постклассическая рациональность предполагает не просто следование выработанным нормам права (их реализацию), но постоянную рефлекссию, мониторинг в отношении этих норм и процедур их конструирования. Рационально постоянное сомнение в рациональности — таков парадоксальный вывод из идей постклассической методологии права. Это необходимо для того, чтобы вовремя выявлять несовершенные нормы и процедуры их принятия, а также предлагать пути их улучшения.

⁴⁰ Касаткин С. Н. Проблема следования правилу: Харт и Витгенштейн // Л. Витгенштейн: pro et contra : антология. С. 1014.

⁴¹ Карапетов А. Г. Экономический анализ права. М. : Статут, 2016. С. 65.

⁴² Карапетов А. Г. Указ. соч. С. 67.

⁴³ Карапетов А. Г. Указ. соч. С. 70–87.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Батищев Г. С. Диалогизм или полифинизм? (Антитетика в идейном наследии М. М. Бахтина) // М. М. Бахтин как философ. — М. : Наука, 1992. — С. 123–142.
2. Бейкер Г. П., Хакер П. М. С. Скептицизм, правила и язык : научное издание. — М. : Канон+ РООИ «Реабилитация», 2008. — 240 с.
3. Бурдые П. Власть права: основы социологии юридического поля // Социальное пространство: поля и практики : пер. с фр. / отв. ред. пер., сост. и послесл. Н. А. Шматко. — М. : Институт экспериментальной социологии ; СПб. : Алетейя, 2005. — С. 75–129.
4. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии / сост., общ. ред. и предисл. Л. Г. Ионина. — Т. 1 : Социология. — М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2016. — 448 с.
5. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии / сост., общ. ред. и предисл. Л. Г. Ионина. — Т. 3 : Право. — М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2018. — 331 с.
6. Гидденс Э. Последствия современности / пер. с англ. Г. К. Ольховикова, Д. А. Кибальчича ; вступ. статья Т. А. Дмитриева. — М. : Праксис, 2011. — 352 с.
7. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. — М. : Академический проект, 2003. — 528 с.
8. Калабреззи Г. Будущее права и экономики. Очерки о реформе и размышления / пер. с англ. И. В. Кушнарева ; под науч. ред. М. И. Одинцовой. — М. : Изд-во Института Гайдара, 2016. — 304 с.
9. Карапетов А. Г. Экономический анализ права. — М. : Статут, 2016. — 528 с.
10. Касаткин С. Н. Проблема следования правилу: Харт и Витгенштейн // Л. Витгенштейн: pro et contra : антология / сост., вступ. ст., примеч., науч. ред. С. В. Никоненко. — 2-е изд. — СПб. : РХГА, 2019.
11. Крипке С. А. Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке / пер. В. Л. Лядова, Б. А. Суровцева ; под общ. ред. В. А. Суровцева. — М. : Канон+ РООИ «Реабилитация», 2010. — 256 с.
12. Лисанюк Е. Н. Аргументация и следование правилу // Л. Витгенштейн: pro et contra : антология / сост., вступ. ст., примеч., науч. ред. С. В. Никоненко. — 2-е изд. — СПб. : РХГА, 2019.
13. Морен Э. О сложности. — М. : Институт общегуманитарных исследований, 2019. — 272 с.
14. Порус В. Н. Рациональная коммуникация как проблема эпистемологии // Коммуникативная рациональность: эпистемологический подход / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; отв. ред. И. Т. Касавин, В. Н. Порус. — М. : ИФРАН, 2009. — С. 11–25.
15. Порус В. Н. Рациональность. Наука. Культура. — М., 2002. — 352 с.
16. Стёпин В. С. Научная рациональность в техногенной культуре: типы и историческая эволюция // Рациональность и ее границы : материалы Международной научной конференции в рамках заседания Международного института философии (Москва, 15–18 сентября 2011 г.) / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; отв. ред. А. А. Гусейнов, В. А. Лекторский. — М. : ИФРАН, 2012. — С. 7–21.
17. Фуко М. Этика заботы о себе как практика свободы // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / пер. с фр. Б. М. Скуратова ; под общ. ред. В. П. Большакова. — М. : Праксис, 2006. — Ч. 3. — С. 241–271.
18. Хайек Ф. Право. Законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики / пер. с англ. Б. Пинскера и А. Кустарева ; под ред. А. Кураева. — М. : ИРИСЭН, 2006. — 644 с.
19. Шапиро Й. Бегство от реальности в гуманитарных науках / пер. с англ. Д. Узланера. — М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2011. — 368 с.
20. Швырев В. С. Рациональность в спектре ее возможностей // Исторические типы рациональности / отв. ред. В. А. Лекторский. — Т. 1. — М., 1995. — С. 7–30.
21. Dennet D. C. Brainstorms. Philosophical Essays on Mind and Psychology. — Montgomery Vt. : Bradford Books, 1978. — 418 p.
22. Habermas J. Technik und Wissenschaft als «Ideologie». — Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1968. — 184 S.
23. Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. — Bd. 2. — Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1981. — 651 S.

Материал поступил в редакцию 28 марта 2022 г.

REFERENCES

1. Batishchev GS. Dialogizm ili polifinizm? (Antitetika v ideynom nasledii M. M. Bakhtina) [Dialogism or polyphism? (Antithetics in the ideological heritage of M.M. Bakhtin)]. In: M.M. Bakhtin as a philosopher. Moscow: Nauka Publ.; 1992. (In Russ.).
2. Baker GP, Hacker PMS. Skeptitsizm, pravila i yazyk: nauchnoe izdanie [Skepticism, Rules and Language: a scientific publication]. Moscow: Canon+: ROOI «Rehabilitation» Publ.; 2008. (In Russ.).
3. Bourdieu P. Vlast prava: osnovy sotsiologii yuridicheskogo polya [The power of law: fundamentals of the sociology of the legal field]. In: Smatko NA, editor. Bourdieu P. Social Environ: fields and practices. Moscow: Institute of Experimental Sociology; St. Petersburg: Aletaya, 2005. (In Russ.).
4. Weber M. Khozyaystvo i obshchestvo: ocherki ponimayushchey sotsiologii [Economy and society: essays of understanding sociology]. Vol. 1: Sociology. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics; 2016. (In Russ.).
5. Weber M. Khozyaystvo i obshchestvo: ocherki ponimayushchey sotsiologii [Economy and society: essays of understanding sociology]. Vol. 3: Law. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics; 2018. (In Russ.).
6. Giddens E. Posledstviya sovremennosti [Consequences of modernity]. Moscow: Praxis Publ.; 2011. (In Russ.).
7. Giddens E. Ustroenie obshchestva: Ocherki teorii strukturatsii [Organization of society: Essays on the theory of structuration]. Moscow: Academic project Publ.; 2003 (Russ.).
8. Calabresi G. Budushchee prava i ekonomiki. Ocherki o reforme i razmyshleniya [The future of law and economics. Essays on reform and reflections]. Moscow: Publishing House of the Gaidar Institute; 2016. (In Russ.).
9. Karapetov AG. Ekonomicheskii analiz prava [Economic analysis of law]. Moscow: Statute Publ.; 2016. (In Russ.).
10. Kasatkin SN. Problema sledovaniya pravilu: Khart i Vitgenshteyn [The problem of following the rule: Hart and Wittgenstein]. In: L. Wittgenstein: pro et contra, anthology. 2nd ed. St. Petersburg: RHGA Publ.; 2019. (In Russ.).
11. Kripke SA. Vitgenshteyn o pravilakh i individualnom yazyke [Wittgenstein on rules and individual language]. Moscow: Canon +: ROOI «Rehabilitation» Publ.; 2010. (In Russ.).
12. Lisanyuk EN. Argumentatsiya i sledovanie pravilu [Argumentation and following the rule]. In: L. Wittgenstein: pro et contra, anthology. 2nd ed. St. Petersburg: RHGA Publ.; 2019. (In Russ.).
13. Moren E. O slozhnosti [About complexity]. Moscow: IOI Publ.; 2019. (In Russ.).
14. Porus VN. Ratsionalnaya kommunikatsiya kak problema epistemologii [Rational communication as a problem of epistemology]. Kommunikativnaya ratsionalnost: epistemologicheskii podkhod [Communicative rationality: an epistemological approach]. Moscow: Russian Academy of Sciences, Institute of Philosophy; 2009. (In Russ.).
15. Porus VN. Ratsionalnost. Nauka. Kultura [Rationality. Science. Culture]. Moscow; 2002. (In Russ.).
16. Stepin VS. Nauchim ratsionalnost v tekhnogennoy kulture: tipy i istoricheskaya evolyutsiya [Let's teach rationality in technogenic culture: types and historical evolution]. In: Guseynov AA, Lektorskiy VA, editors. Rationality and its boundaries: Proceedings of the international scientific conference «Rationality and its boundaries.» International Institute of Philosophy in Moscow (September 15–18, 2011). Moscow: Russian Academy of Sciences; 2012. (In Russ.).
17. Foucault M. Etika zaboty o sebe kak praktika svobody [Ethics of self-care as a practice of freedom]. In: Bolshakov VP, editor. Foucault M. Intellectuals and Power: Selected political articles, speeches and interviews. Part 3. Moscow: Praxis Publ.; 2006. (In Russ.).
18. Hayek F. Pravo. Zakonodatelstvo i svoboda: Sovremennoe ponimanie liberalnykh principov spravedlivosti i politiki [Law. Legislation and Freedom: A Modern Understanding of the liberal principles of Justice and Politics]. Moscow: IRISEN Publ.; 2006. (In Russ.).
19. Shapiro Y. Begstvo ot realnosti v gumanitarnykh naukakh [Escape from reality in the humanities]. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics; 2011. (In Russ.).
20. Shvyrev VS. Ratsionalnost v spektre ee vozmozhnostey [Rationality in the spectrum of its possibilities]. In: Lektorskiy, editor. Istoricheskie tipy racionalnosti [Historical types of rationality]. Vol. 1. Moscow; 1995. (In Russ.).
21. Dennet DC. Brainstorms. Philosophical Essays on Mind and Psychology. Montgomery Vt.: Bradford Books; 1978.
22. Habermas J. Technik und Wissenschaft als «Ideologie». Frankfurt am Main: Suhrkamp; 1968.
23. Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. 2nd Bd. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1981.